

связано с такими актуальными реалиями современного мира, как этносоциальное и этнокультурное развитие народов в полиэтнических странах, как борьба с расизмом в теории и повседневной жизни, как борьба за национальное равноправие, за обеспечение основных свобод и прав человека, борьба за человеческое достоинство. Этот аспект книги настолько важен, что его нельзя не подчеркнуть особо.

С. Я. Козлов

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Jim Specht, J. Peter White (eds.). Trade and exchange in Oceania and Australia.— «Mankind», v. 11, № 3, Sydney, 1978, p. 161—435.

Специальный выпуск журнала «Мэнкайнд» представляет собой публикацию докладов на симпозиуме, проведенном в 1977 г. в Сиднее в ознаменование 150-летия Австралийского музея (основан в 1827 г.) и 50-летия Антропологического общества Нового Южного Уэльса (основано в 1928 г.). Ниже приведен перечень докладов в том порядке, как они помещены в сборнике (см. табл. на с. 184).

Австрало-океанийские ученые сделали на симпозиуме 18 докладов, американские—4, английские—2, один доклад подготовлен совместно австралийцем и канадцем. Участников симпозиума интересовало в основном то, что было в Океании и Австралии до прихода белых. Но выводы их были в известной мере обусловлены современной ситуацией в тех странах, в которых они сами живут и работают.

Ученые, в том числе археологи и этнографы, не могут стоять вне политики. Весь вопрос, однако, в том, какова эта политика, куда она направляет мысль ученых.

Политика США в торговле с развивающимися странами сводится к формуле: покупать сырье по дешевке, продавать промышленные товары втридорога. Американские монополии не мыслят себе иного разрешения проблемы источников сырья и рынков сбыта. Для научного обоснования этой политики в США используется наряду с прочими обменная теория. Корни ее уходят в домарксову политическую экономию; современный неокOLONиализм приспособил ее к своим целям. К разработке обменной теории привлечены не только экономисты и этнографы, но и археологи.

Накануне сиднейского симпозиума в США вышел в свет сборник «Доисторические системы обмена»¹, в котором археологи придали обмену значение главного фактора всюду и во все времена. Эту установку американские делегаты проводили и на сиднейском симпозиуме. Во введении к сборнику говорится, что обмен дает ключ к научному пониманию «производства, лидерства, социального расслоения, мифа, форм искусства, ритуала, брака, войн, внутриобщинных конфликтов, социо-политического строя»². Главной причиной разрушения культур народов, недавно освободившихся от колониального гнета, ныне объявляется «разрушение колониализмом традиционных торговых связей»³. Решающим фактором в процессе антропогенеза объявляют распределение пищи: «Дележ пищи играл решающую роль в эволюции человеческого поведения»⁴. Этот вывод сделан на основе археологических находок, возраст которых 2 млн. лет. Они не содержат никаких сведений ни о дележе пищи, ни тем более о его роли в процессе антропогенеза. Но, видимо, очень хотелось автору противопоставить трудовой теории происхождения человека свою «дележно-пищевую модель» (food-sharing model). Важно учесть и другое: главное в обмене, согласно обменной теории, не материальная сторона, не то, эквивалентен он или нет, а «социальные и идеологические мотивы». Американские делегаты высказали эту идею и на сиднейском симпозиуме: «Современные американские предприниматели играют с материальными благами в социальные и идеологические игры точно так же, как это делают меланезийские „большие люди“, как это делали древние майя. Гомо экономикс отсутствует и в Меланезии, и в Месоамерике, и в Соединенных Штатах, и в прошлом, и в настоящем» (2, 170). Такова дальняя цель обменной теории — выхолостить из обмена, насколько это возможно, главное — его экономическую суть.

Свои выводы о неэкономической мотивации обмена американские археологи делают, опираясь на факты этнографии. Между тем совсем недавно ими отвергались все попытки судить о значении археологических материалов с помощью этнографических аналогий.

¹ T. K. Earle, I. E. Ericson (eds). Exchange systems in prehistory. N. Y., 1977.

² T. K. Earle, I. E. Ericson (eds). Указ. паб., с. 2.

³ A. Cohen. The anthropological perspective.— «American Anthropologist», v. 79, № 2, 1977, p. 390.

⁴ G. Z. Isaak. Food sharing and human evolution.— «Journal of Anthropological Research», v. 34, № 3, 1978, p. 323.

№ п. п.	Докладчик	Тема доклада: обмен (этнос, район)	Профиль доклада*
1	Т. Гардинг (США)	Введение	ЭА
2	В. Рэтъе »	Месоамерика и Меланезия	ЭА
3	А. Вейнер »	Тробрианские острова	Э
4	Т. Эрнст (Австралия)	Онабасулу, Новая Гвинея	Э
5	К. Хейли »	Энга, мелпа, маринг, Новая Гвинея	Э
6	Г. Морфи »	Муринг, Австралия	Э
7	Д. Фейл »	Энга, Новая Гвинея	Э
8	В. Бландел (Канада), Р. Лейтон (Австралия)	Зап. Кимберли, Австралия	Э
9	А. Кэплер (Гавайи)	Фиджи, Тонга, Самоа	Э
10	Э. Стразерн (Англия)	Толан, Новая Британия; мелпа, Новая Гвинея	Э
11	П. Силитое (Папуа Новая Гвинея)	Вола, Новая Гвинея	Э
12	Д. Уайт (Австралия)	Дуна, Новая Гвинея	ЭА
	Н. Модьеска »		
13	Д. Миллер (Соломоновы о-ва)	О. Нью-Джорджия	Э
14	Э. Чоунинг (Новая Зеландия)	Новая Британия	Э
15	Ян Хьюз (Австралия)	Новая Гвинея	Э
16	Д. Мур »	П-ов Йорк и Торресовы о-ва	Э
17	В. Эмброуз »	Северо-западная Меланезия	ЭА
18	П. Газеркол (Англия)	Маори, Новая Зеландия	Э
19	Т. Даттон (Папуа Новая Гвинея)	Юго-восток Новой Гвинеи	Л
20	И. Мак-Брайд (Австралия)	Виктория, Австралия	А
21	Ж. Дэвидсон (Новая Зеландия)	Западная Полинезия и Фиджи	А
22	Б. Лич »	Побережья пролива Кука, Новая Зеландия	А
23	Г. Ирвин »	О. Маилу, Новая Гвинея	ЭА
24	Р. Вандервал (Австралия)	Юго-восток Новой Гвинеи	А
25	Б. Эглов (Папуа Новая Гвинея)	О-ва д'Антраксто, Новая Гвинея	А

* Э — этнография, А — археология, ЭА — этноархеология, Л — лингвистика.

Западные коллеги отстаивали концепции об извечности частной собственности, многозамной семьи. Это было в то время, когда капитализм твердо стоял на ногах и его не надо было выдавать за что-то другое. Ныне обстоятельства изменились, и в методике многих западных археологов и этнографов тоже произошли изменения: если раньше общинно-родовому строю приписывали признаки капитализма, то теперь, наоборот, капиталистическую торговлю уподобляют общинно-родовому обмену. Но прежде надо доказать, что обмен в условиях общинно-родового строя носит неэкономический характер; в основе его будто бы лежит потребность к общению, стремление упрочить социальные связи, отметить важные события (вступление в брак, рождение детей), добиться почта и уважения. Многие зарубежные этнографы, особенно американские, обратили свои взоры прежде всего на Меланезию, эту, по словам Рэтъе, «обетованную землю неэкономического поведения» (2, 170).

Политика Австралии и Новой Зеландии по отношению к странам Океании имеет свою специфику. Австралия и Новая Зеландия находятся в непосредственной близости от этих стран, можно даже сказать, в их окружении. Вести с ними торговлю с позиции экономической силы, не говоря уже о военной, вроде «корпуса быстрого реагирования», значило бы для Австралии и Новой Зеландии изолировать себя. Поэтому австрало-океанийские монополии проводят по отношению к независимым океанийским государствам и самоуправляющимся территориям более умеренную и гибкую политику. Эта политика, став государственной, позволяет и даже заставляет более трезво смотреть на жизнь и быт океанийцев в прошлом и настоящем. Каждый из ученых находит, конечно, под влиянием не одного, а многих перекрестных факторов. Научные контакты с коллегами из США тоже оказывают свое влияние, немалую роль играет и мнение самих океанийцев, среди которых появились этнографы, и один из них, в частности, выступил на сиднейском симпозиуме с докладом об обмене у новогвинейского племени вола (11, 265—275).

Английские археологи и этнографы занимают в вопросе об обмене, по крайней мере судя по рецензируемому сборнику, промежуточную позицию между американскими и австрало-океанийскими учеными.

Сиднейский симпозиум показал, что проблема обмена в Океании и Австралии, идет ли речь о недавнем или далеком прошлом, не принадлежит к числу тех проблем, где можно отдохнуть от политики.

Теперь углубимся в конкретные вопросы, связанные с обменом в Океании и Австралии, и посмотрим, что происходило на сиднейском симпозиуме. Необходимо, однако, еще одно предварительное замечание.

Обмен иногда понимаем слишком широко. Так, во введении говорится об обмене трудом, услугами, людьми, информацией (1, 162). На XIV Тихоокеанском научном кон-

грессе в Хабаровске (август 1979 г.), где наши зарубежные коллеги также уделили большое внимание обмену и где дань вождю в одном из докладов была истолкована как «вертикальный обмен», мы, выступая в общей дискуссии, отметили, что «обмен трудом», «обмен услугами» — это не обмен, а взаимная помощь; «обмен труда на предмет» — это обычно не обмен, а плата за труд; дань вождю — это тоже не обмен. Мы предложили понимать под обменом обмен природными материалами и продуктами труда. При более широкой трактовке термин «обмен» перестает быть, по нашему мнению, научным термином.

Поэтому мы исключаем из нашего обзора доклады, посвященные «обмену женщинами» (6; 8). На деле речь в них идет не об обмене, а о формах экзогамного брака, и эти формы целесообразнее рассматривать в ином контексте и под другим углом зрения. Кстати, в подобного рода статьях и докладах экзогамный брак почему-то толкуется только и исключительно как «обмен женщинами», хотя следовало бы в ряде случаев, там, где брак ускорилокальный, видеть «обмен мужчинами».

Начнем с докладов археологов и отметим, что на сиднейском симпозиуме преобдало, как сказано во введении (1, 161), «в высшей степени осторожное и скептическое» отношение к сборнику «Доисторические системы обмена». В докладах на сиднейском симпозиуме были подвергнуты анализу материалы раскопок в Австралии, на Новой Гвинее, Фиджи, в Западной Полинезии, на Новой Зеландии. При этом было отмечено, что в Австралии при бродячем образе жизни предметы могли попадать в районы, отдаленные от места их происхождения, без помощи обмена (20, 356); наличие предметов с островка Юле на соседнем южном берегу Новой Гвинеи — это скорее всего результат не торговли (как думал тот же докладчик ранее, в 1973 г.), а миграции, имевшей место около 2 тыс. лет назад (24, 424); горшки на Фиджи, Самоа и Тонга, относящиеся ко II тысячелетию до н. э., при всем их сходстве, изготовлялись всюду на месте находок (определено по анализу песка, употребившегося при обжиге), и, следовательно, «распространялись методы изготовления горшков, а не сами горшки» и «нет никаких доказательств торговли или обмена горшками» (21, 386); можно строить догадки об обмене на основе археологических раскопок на Новой Зеландии, но «пытаться документировать что-либо, относящееся к фактическим социальным обстоятельствам доисторической „торговли“, явно глупо» (22, 392). Правда, в одном докладе, построенном на материале раскопок на островке Нуамата, где среди найденных четырех горшков один имеет признаки, характерные для этого островка, другой — черты, свойственные побережью залива Коллингвуд на Новой Гвинее, и два сочетают в себе те и другие черты, докладчик пришел к выводу, будто 1000 лет назад залив Коллингвуд и о. Гуденаф «были звеньями большой торговой цепи» и что, следовательно, обмен кула «когда-то выходил далеко за пределы своих нынешних границ» (25, 434). Фактический материал, приведенный докладчиком, несомненно, ценен; что же касается вывода о «торговой цепи», то его можно, видимо, прокомментировать словами другого докладчика: «Одной из примечательных черт в исследовании торговли является склонность считать маленький кусочек обсидиана или несколько горшков за доказательство торговли в самом широком смысле слова» (21, 389).

Доклад, посвященный анализу археологических материалов с побережья пролива Кука, был построен на солидном материале: изучено 11 тыс. обработанных камней (топоры, пилы, точила, сверла, грузила и т. д.). Орудия изготовлены на месте, но камень для их изготовления более чем на 80% не местный. Некоторые камни попали сюда с севера, некоторые — с юга, пройдя путь до пролива Кука в 700—800 км. Что касается попыток реконструировать характер этих связей, то докладчик считает такие попытки бесполезными (22, 404). По его мнению, «это может вызвать нападки на археологический метод» (там же, 392).

Не пользовалась популярностью обменная теория и там, где данные археологии сопоставлялись с данными этнографии. Наконечники копий и кинжалы, сделанные из обсидиана, распространены на островах Адмиралтейства; обсидиан добывается на островке Лоу и отсюда идет по всему архипелагу, не выходя, однако, за его пределы. Так говорит этнография. Археология же свидетельствует, что 3 тыс. лет назад обсидиан проник далее, на запад до Новой Гвинеи и на восток до Новых Гебрид. Исследователь мог прийти к заключению, что в прошлом была широкая «торговая сеть», а потом она сузилась. К подобного рода выводам призывал на симпозиуме американский археолог (2, 166). К чести исследователя надо сказать, что он не пошел по пути, проложенному сторонниками «обменной модели». Широкое распространение обсидиана в прошлом, заявил он, это результат не торговли, а расселения по островам (17, 326).

Сейчас на Новой Гвинее нет таких племен (если не считать нескольких племен в Ириан Джая), которые не имели бы железных топоров. Среди племен дуна железные топоры появились в 1950-х годах. Каменные топоры исчезли из обихода за 10—15 лет до того, как туда прибыли исследователи, но люди, которые ими работали, были еще живы, и кое-где на огородах и в джунглях валялись клинки топоров. Это была уже археология и еще этнография. Почти все клинки найдены в местах пользования, в джунглях: крепление к топоричу было слабое, клинки при употреблении выскальзывали, и их потом не могли найти. Все топоры получены извне в готовом виде. Исследователи нашли место, где добывали камень для топоров, но как топоры оказались у дуна, определенно установить им не удалось (12, 285).

На островке Маилу вновь столкнулись в «поле» археология и этнография: исследователь нашел при раскопках керамику и наблюдал за тем, как жители этого острова изготавливали горшки. Этнограф выявил наличие обменных экспедиций в недавнем прошлом; археолог обнаружил в керамике двухтысячелетней давности ряд сходных черт с керамикой других районов. Однако археологический материал, отмечает исследователь, «ничего не говорит об экономическом контексте» и не объясняет, каким образом горшки «передвигались» в пространстве — был ли это обмен, случайные контакты или миграции (23, 414).

Две противоположные концепции обмена — обмен вызван преимущественно экономическими мотивами и обмен вызван преимущественно социально-идеологическими мотивами — были развиты на симпозиуме на одном и том же фактическом материале (Тонга, Самоа, Фиджи). Один докладчик показал, что в XVIII—XIX вв. обмен продовольствием, циновками, природными материалами (лес) был вызван географическими факторами и хозяйственной специализацией населения (21, 385), т. е. экономическими мотивами. Другой, напротив, утверждал, что главным стимулом к обмену были брачные союзы: тонганцы женились на самоанках, а тонганки брали себе в мужья фиджийцев (браки тонганок — ускорилокальные). Браки эти сопровождался подарками: с Самоа поступали предметы, изготовленные женщинами (в частности, циновки тонкой работы), а с Фиджи — предметы, изготовленные мужчинами (лодки, щелевые барабаны, сосуды для кавы, головные скамейки). Обмен здесь «подчеркивал социальные связи, создаваемые браками» (9, 251). В докладе приведены единичные случаи межостровных браков (процент таких браков невелик), но они не могли, конечно, уменьшить значение признаваемых самим докладчиком «чисто торговых обменов», обусловленных экономическими мотивами, равно как и того факта, что лодки, щелевые барабаны, сосуды для кавы, головные скамейки нельзя было изготовить на Тонга «ввиду отсутствия там подходящих пород деревьев» (там же, 248).

Сторонники обменной теории, как правило, неуверенно чувствуют себя, когда им приходится отвечать на вопрос, что они понимают под «неэкономическим». В обмене у тробрианцев, например, были обнаружены такие мотивы, как производство и воспроизводство людей, социальных институтов, верований, а в предметах обмена у некоторых других племен — символы мужских и женских гениталий, живота, плодовитости (3, 177), и все это бездоказательно выдано за «логическую структуру», будто бы стимулирующую обмен. Мы узнали из доклада больше о докладчике, чем о тробрианцах: докладчик придерживается взглядов экономической антропологии, симпатизирует идеям структурализма, участвует в феминистском движении (докладчик — женщина); за рекомендацией не впадать в крайности (независимость или колониальный режим), а выбрать среднее (частичную зависимость) видна еще одна «логическая структура» — неоколониализм.

Можно понять океанийцев, о которых написаны подобного рода труды, и которые, читая их, не узнают себя и проклинают не только этнографов, но и саму этнографию⁵. Нужно оценить выдержку австралийских этнографов, один из которых, имея в виду подобного рода «бесплодные» концепции, пишет: «Это не значит, что каждый раз, когда я слышу слово теория, я хватаюсь за свой револьвер»⁶. Можно и нужно понять концептуальное безразличие некоторых американских ученых, полагающих, что восприятие — это «хирургическая операция», после которой объективная реальность доходит до сознания в искаженном до неузнаваемости виде⁷. При такой установке, отрицающей объективную истину, любая теория не лучше и не хуже любой другой, лишь бы она была ясно изложена и не содержала в себе логических противоречий. Но, во-первых, противоречие есть в сознании некоторых из этих ученых, нелогично сочетающих концептуальное безразличие с антимарксизмом. Во-вторых, — противоречие между их теориями и объективной реальностью. «Мы далеки от исторических реальностей», — пишет американский ученый о своих коллегам и резонно спрашивает: «Куда ты идешь, этнография?»⁸

В докладе о тробрианцах, помимо всего прочего, нет исторической перспективы — материалы собраны в 1971, 1972 и 1976 гг., и ни слова не сказано об изменениях, произошедших в культуре за многие десятилетия колониального режима.

Между тем изменения в Океании произошли огромные. Так, на Соломоновых островах после контактов с белыми сложились те обычаи, которые зафиксированы этнографами как «традиционные»: стала широко практиковаться охота за головами, в больших количествах изготавливаться раковинные деньги, возросло влияние «больших людей», монополизировавших обмен и превративших его в одно из главных средств борьбы за власть (13, 293). На Новой Британии, как показано в другом докладе, до прихода белых обмен был не очень развит, а в послеконтактный период появились дощатые лодки, новые ремесла (резьба по дереву), возросла торговля, введены в обращение новые виды раковинных денег, заменивших прежние также и в брачных платежах (14, 300).

⁵ Epeli Hauofa. Anthropology and Pacific Islanders.— «Oceania», v. 45, № 4, 1975, p. 284—286.

⁶ P. Lawrence. The ethnographic revolution.— «Oceania», v. 45, № 4, 1975, p. 263.

⁷ R. P. Chaney. Structures, realities and blind spots.— «American Anthropologist», v. 80, № 3, 1978, p. 592.

⁸ I. A. Cohen. Указ. раб., с. 395.

Как быстро происходят под влиянием белых изменения в культуре океанийцев, показано в докладе о раковинных деньгах у горных племен Новой Гвинеи. Об этих племенах европейцы узнали в 1930-х годах, а первые этнографы появились среди них в 1950-х годах. За прошедшие 20 лет не только многое изменилось, но «послеконтактная ситуация стала нормой» (15, 316), притом в такой мере, что этнографы принимали то, что они видели, за «традиционное». Докладчик, тщательно изучив материалы архивов в Канберре, Порт-Морсби, Маунт-Хагене и в округе Чимбу, установил, что до прихода белых в горных районах было мало раковин и они высоко ценились. В период 1933—1941 гг. белые доставляли сюда на самолетах около 5 млн. раковин всех видов из тех прибрежных районов, где эти раковины можно было дешево приобрести (Рабанул, а. Манус, Берег Маклая). Ценная раковина обходилась им на побережье в 1 шиллинг, а они платили ею в горах за месяц работы на плантациях. За свинью давали одну раковину, доставленную с Берега Маклая. Постепенно горные районы были насыщены раковинами. В результате поток предметов в межплеменном обмене пошел вспять: раньше из долин в горы шли раковины, а из гор в долины — свиньи, теперь — наоборот. «Каждый аспект торговли и церемониального обмена испытал изменения» (там же, 317), в том числе обмен *те* у энга и обмен *мока* у мелпа.

Сторонники социально-идеологической мотивации обмена часто ссылаются на М. Мосса, и в этой связи большой интерес представляет доклад о понятиях *хау* и *уту* у маори. В свое время Э. Бест, связав обмен с религиозным понятием *хау*, трактовал его как неэкономический институт, а от Беста эта трактовка перешла к Моссу и стала одним из краеугольных камней его теории обмена. Согласно Бесту и Моссу, в основе обмена у маори лежала будто бы вера в то, что вместе с даримым предметом переходит некоторая частица сущности дарителя, *хау*. В докладе с помощью анализа ранних источников показано, что обмен у маори связан не с *хау*, а с *уту* (компенсация) и, следовательно, является экономическим институтом (18, 334).

«Многие ошибочные идеи, — отметил другой докладчик, — постоянно фигурировали в этнографической литературе о народах Австралии; будучи прослежены до их первоисточника, они оказались основанными на неадекватных сообщениях» (16, 324). Докладчик показывает, что утверждения А. Хэддона, Ф. Маккарти и других о том, будто жители островов Торресова пролива часто плавали с торговыми целями вдоль обоих побережий п-ова Йорк, являются ошибочными. В ранних источниках зафиксированы только два случая, когда островитяне побывали на п-ове Йорк, — в 1834 и 1841 гг. — оба раза не с торговыми целями и к тому же на европейских кораблях. Регулярные торговые связи, заключает докладчик, были придуманы для того, «чтобы объяснить несомненное папуасское влияние на мифологию, ритуал и технологию на обоих берегах» п-ова Йорк (там же).

На симпозиуме был рассмотрен церемониальный обмен у горных племен Новой Гвинеи. В этом обмене утилитарные цели сочетаются с престижными и обрядовыми, и от установки исследователя во многом зависит, какому аспекту он уделит основное внимание. В свое время Б. Малиновский, изучая обмен *кула* у тробрианцев, выявил только престижные и обрядовые моменты. Позднее оказалось, что с обменом *кула* связаны также и жизненно важные экономические мотивы⁹. Изучение церемониального обмена продолжается, и симпозиум внес вклад в решение этой проблемы. Как показал количественный анализ (докладчик учел 1045 обменов в племени вола), роль церемониального обмена в хозяйственной жизни этого племени сравнительно невелика. Взрослый человек около половины предметов, имеющихся в его распоряжении, выращивает и изготавливает сам; около четверти покупает в магазине (европейские товары); остальное — результат обычного обмена (около 5%), церемониального обмена (около 10%) и случайных находок того, что потеряно другими (около 10%). Церемониальный обмен, сопровождающий свадьбы, похороны и другие важные события в жизни деревни, — это обмен между родственниками, и возникает он на основе обмена подарками (11, 270—273).

Сравнение церемониальных обменов *те* у энга, *мока* у мелпа и *кони каико* у маринг подчеркнуло связь церемониального обмена с институтом «больших людей»: у энга развитый церемониальный обмен сочетается с наличием богатых «больших людей», контролирующих этот обмен; у маринг церемониальный обмен слабо развит, «большие люди» не выделяются по своему богатству среди остальных и не контролируют церемониальный обмен; мелпа занимают промежуточное положение (5, 202). Докладчик высказывает предположение, что обмен *те* вначале имел утилитарный характер, а потом развился в церемониальный, уже после прихода белых, как средство борьбы за власть: раньше той же цели служили войны; однако обмен *те*, став церемониальным, остался важным средством распределения экономически полезных товаров (там же, 199, 203).

«Большой человек» в борьбе за власть опирается на поддержку членов своей агнатной группы, заставляет их дарить ему свиней, раковины и т. д., причем не возмещает этих даров. Фактически это уже не столько дары, сколько дань, и на это указывали многие исследователи (М. Меггит, Р. Солсбери и др.). На симпозиуме была предпринята попытка обелить «больших людей»: они будто бы не получают никакой выгоды. Докладчик задавал вопросы, вроде: «Почему маленькие люди позволяют надувать себя

⁹ Singh Uderoi. Politics of the Kula ring. Manchester, 1962; см. также нашу рецензию на эту книгу («Сов. этнография», 1964, № 6).

таким образом?» (10, 258),— и утверждал, что если бы так было, то «маленькие люди» перестали бы приносить дары, но тут же добавлял, что помогали бы «большим людям» только зависимые (там же, 262). Настаивая на «сбалансированной взаимности», он упомянул о «некоторых компонентах общего комплекса подарков, которые объединяют лидеров и их сторонников и которые невозможно количественно определить» (там же, 259), и назвал один из компонентов: «поддержка в спорах» (там же, 262). Однако докладчик не упомянул о главном: среди «больших людей» есть такие, кто заботится о благосостоянии других, и такие, кто использует власть в своих корыстных целях, и их надо различать. Кстати, последние нередко оказываются марионетками в руках неокolonизаторов.

Важный момент в церемониальном обмене — участие в нем женщин: они выращивают свиней и передают их мужьям, а те в борьбе за власть дарят их другим мужчинам, чтобы получить потом ответный дар. «Большой человек» ведет борьбу за власть внутри своей агнатной группы, а помогают ему люди других агнатных групп, связанные с ним через его жен, сестер и других родственников (7, 221—222). Докладчик посмотрел на церемониальный обмен под новым углом зрения, и в этом ценность его наблюдений. Церемониальный обмен на этом фоне выступает как одно из средств, с помощью которого «большой человек» и его семья противопоставляют себя общине и роду.

В единственном лингвистическом докладе речь идет о двух языках, маилу и хири моту, с помощью которых папуасы маилу вели обмен с меланезийскими племенами, а меланезийцы моту — с папуасоязычными. Докладчик высказал предположение, что керамику принесло на островок Маилу меланезийское население, которое затем, став папуасоязычным, сохранило значительную часть прежней лексики, что и позволило ему общаться при обмене с меланезийскими племенами. Что же касается меланезийцев моту, то они пиджинизировали свой язык, в результате чего возник «торговый» диалект хири моту (19, 344). Эти выводы носят, однако, предварительный характер. В частности, не исключено, что на островке Маилу не было меланезийского населения и папуасы, заселив островок и обнаружив там глину, самостоятельно наладили изготовление горшков.

Большинство докладов на сиднейском симпозиуме — это доклады ученых, живущих в Австралии, Новой Зеландии, на Новой Гвинее, Соломоновых островах. Как уже упоминалось, в работе симпозиума участвовал коренной океаниец (П. Силитое). Недавно созданная Ассоциация антропологов «третьего мира» — The Association of the Third World Anthropologists (ATWA), несомненно, будет способствовать росту числа этнографов-океанистов и даст важные результаты в изучении культуры и быта народов Океании.

Н. А. Бутинов